

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ КАТЕГОРИИ ИРРАЦИОНАЛЬНОГО: КОНТЕКСТУАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Д. Н. Обыденный

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 14 ноября 2015 г.

Аннотация: в статье рассматривается генезис и становление категории иррационального в философском дискурсе. На материале базовых произведений, относимых к традиции «философии жизни» путем контекстуального анализа использования категории иррационального, выявляются базовые значения указанного понятия.

Ключевые слова: иррациональное, сверхрассудочное, единичное, аффект, непосредственная данность, ценность, Ф. Шеллинг, Г. Риккерт, Г. Зиммель, М. Вебер.

Abstract: the author tries to reconstruct genesis and the evolution of the irrationality concept through defining its different meanings appearing in various contexts in works of such thinkers as F. Shelling, G. Rickert, G. Simmel, M. Weber.

Key words: irrational, superrational, individual, affect, immediate reality, value, F. Shelling, G. Rickert, G. Simmel, M. Weber.

Категория иррационального уже почти как столетие прочно вошла в состав философской лексики. Историко-философский дискурс даже выделил особое направление «философия иррационализма», имеющее, тем не менее, ряд широко распространенных синонимов, таких как «волюнтаризм» и «философия жизни». Вместе с тем, и в этом следует усматривать скорее общую специфическую черту тех гуманитарных наук, в которых преобладает умозрительный, теоретический компонент, категория иррационального почти повсеместно употребляется в некоем настолько широком значении, что скорее отсылает нас к некоей интуитивной процедуре понимания указанного термина, нежели к какой-либо его отчетливой концептуализации. Зачастую, причем достаточно вольно и шаблонно, в разряд представителей иррационализма сразу же относят А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, с большей осторожностью А. Бергсона и Г. Зиммеля и совсем редко, поскольку данные мыслители в отечественной историко-философской академической традиции не нашли по праву им принадлежащего, должного упоминания, Э. Гартмана и Ф. Майнлендера (его основное произведение «Философия освобождения» до сих пор не переведено на русский язык). В этом проявляется некая странная, можно сказать, иррациональная избирательность традиции академического исследования становления философской мысли, которая одних мыслителей ставит на пьедестал почета, а других помещает в пространство его тени.

Основной целью данного скромного исследования является попытка, насколько это возможно в рамках заданного масштаба работы, по возможности ясно и концептуально очерчено придать категории иррационального некую генетическую прозрачность. Действительно, не следует забывать, как это повелось еще с самой основы основ европейской философии, что немаловажным трудом мышления является установление максимальной ясности тех или иных базовых понятий и категорий, приведение их к некоей семантической очевидности. Лишь только в этом случае, при соблюдении указанного правила, философское исследование и изложение материалов такового имеет какой-то смысл, в противном случае философское творчество начинает трансформироваться в определенный жанр литературы, становясь некоей формой беллетристики, наполненной аморфными в своем смысловом содержании лексемами. В этом, вышеуказанном смысле работа философского исследования в ее систематической составляющей совершенно немыслима вне труда сродного деятельности кропотливого филолога, углубляющегося в массивы текстов с целью выявления значения некоторого слова путем рассмотрения его фигурирования в различных контекстах и текстовых ситуациях.

Обращаясь к своеобразной истории рождения, генезиса категории иррационального, следует сразу же отметить, что ни А. Шопенгауэр, ни Ф. Ницше практически не употребляют данный термин, тем более не приходится говорить о какой-либо специальной, особенной и отдельной его концептуализации. А. Шопенгауэр употребляет категорию иррационального буквально несколько раз, говоря прежде всего о числовых соотношениях в области музыкальной гармонии и астрономии, которые он использует в качестве вспомогательных примеров по ходу своих рассуждений. Более того, говоря о «воле к жизни» как порождающем начале многообразия форм и видов сущего, А. Шопенгауэр лишь несколько раз называет ее бессознательной, в остальном ограничиваясь различными художественными метафорами и сравнениями. Внимательное и вдумчивое чтение теоретических трудов А. Шопенгауэра едва ли позволяет узреть в нем ярого антагониста гегельянства, увенчанного венцом панлогизма и панрационализма. Пессимизм А. Шопенгауэра имеет отношение, скорее, к специфике его впечатлительной природы, талант которой подмечать огрехи и несовершенства мира масштабно разворачивается в его афоризмах либо в сочинении «О ничтожестве и горестях жизни».

Если мы обратимся к трудам Ф. Ницше, то также не обнаружим там какой-либо развернутой концепции иррационального, равно как и самого термина. Образная насыщенность и метафоричность произведений Ф. Ницше не дает возможности, как это может быть при работе с сочинениями А. Шопенгауэра, выявить некоторой четкой, структурной онтологической модели, позволяющей пролить свет на центральное понятие его философии – «воля к власти». Определение идей Ф. Ницше как основы философии иррационализма, – явная натяжка и преувеличение. Интуитивно употребляемый в самом широком смысле термин «иррациональное» как синоним бессмысленного, случайного, абсурдного никоим

образом не относится к контексту идей мыслителя. «Воля к власти» – это некий базовый инстинкт стремления к могуществу и гармоничному расцвету всех человеческих сил, и с этой точки зрения он никоим образом не иррационален, напротив, в нем коренится изначальная извечная мудрость, лежащая в основе сущего. Напротив, разум, рациональность как таковая именно и вносят в жизнь диссонанс, упадок, разложение и дисгармонию, подрывая, сковывая проявления воли. В этом смысле философию Ф. Ницше можно охарактеризовать как натуралистический (либо космоцентрический) волюнтаризм, но никоим образом не как иррационализм.

Кратко резюмируя воззрения А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, следует сказать, что у них в принципе не могло быть какой-либо разработанной концепции иррационального, поскольку концептуальная фиксация указанной категории возможна лишь в случае максимальной конкретизации понятия рационального как такового, которого в своих трудах указанные мыслители специально не касались.

Обращаясь весьма бегло, поскольку это лишь косвенно касается магистральной тенденции исследования, к творчеству Э. Гартмана, Ф. Майнлендера и А. Бергсона, также отметим, что сама категория иррационального ими фактически не используется. В трудах Э. Гартмана повсеместно фигурирует понятие бессознательного, трактуемое им совершенно очевидно как инстинктивное, как то, что лежит за пределами регулятивных возможностей разума, сознания в общем смысле. Ф. Майнлендер также не выдвигает какой-либо концепции иррационального и вообще не может быть осмыслен в своем творчестве как сторонник точки зрения, согласно которой все существующее является бессмысленным, абсурдным и т.д. Философия Ф. Майнлендера, равно как и его самоубийство, – прецедент предельной философской ясности и обоснованности в рамках самой этой концепции. Страдания и несовершенство мира – совершенно закономерный процесс, вызванный свободным выбором абсолюта, принявшего решение обратить себя в небытие. Мир сущего с многообразием его форм есть лишь непосредственные элементы, а потому и участники этого процесса. В творчестве А. Бергсона идея иррационального также не находит своего обоснования и концептуализации. «Творческий порыв» не есть нечто иррациональное, напротив, это полнота потенциального многообразия сущего, с огромным трудом и упорством пробивающая себе дорогу сквозь мир косной материи.

Синописом вышесказанного является вполне оправданное суждение о том, что вышеуказанные мыслители совершенно чужды проблеме иррационального, и с точки зрения историко-философской перспективы их фактически невозможно причислить к иррационализму как тенденции философии, если таковая вообще существует.

В таком случае возникает вопрос, а существует ли вообще некая разработанная теория иррационального, и, если да, то в работах каких авторов она фигурирует. Пожалуй, впервые в достаточно четкой категориальной форме понятие иррационального всплывает в работе

Ф. Шеллинга «Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах». Безусловно, нельзя утверждать, что в рамках данного труда философ напрямую берется за разработку вопроса об иррациональном, но, что является важным, воссоздает тот контекст, в пространстве которого данная категория приобретает достаточно четкие семантические очертания. В рамках указанного исследования Ф. Шеллинг поднимает довольно древнюю проблему религиозно-философского плана – проблему теодицеи. Своей задачей мыслитель видит попытку обосновать существование зла, деструктивности, дисгармонии и произвола, коренящихся в природе сущего и в воле человека. Общие идеи указанной работы Ф. Шеллинга хорошо известны широкой философской публике, и поэтому их повторение здесь, очевидно, совершенно пустое предприятие. Обратимся же напрямую к тому концептуальному контексту, в котором для Ф. Шеллинга всплывает идея иррационального. Именно с иррациональным как таковым мыслитель связывает источник зла и произвола, противоположных доброте и любви божественной воли. Иррациональное есть начало, природа в Боге, которая с ним не тождественна. Если Бог – это оформленное (если так позволительно выразиться) и состоявшееся благо, то иррациональное начало в Боге есть чистое безотносительное к добру или злу стремление к становлению. Если Бог – это не только добро и благо, но атрибутивно определяется как разум, источник порядка, законосообразности, то его «иная природа», не совпадающая с ним, есть чистая противоположность, не в силу своей сущности, но по факту различия между собой и абсолютным. Ф. Шеллинг говорит об «иррациональном начале» (в Боге) как о «противодействующем разуму или единству и порядку» [1, с. 121]. Таким образом, если понятие разума логически связано с категориями единства и порядка, то иррациональное как противоположность логически отсылает нас к понятиям беспорядка и множественности. Более того, если иррациональное есть некая активность, то оно представляет собою источник беспорядка и множественности. В другом фрагменте своего труда Ф. Шеллинг употребляет понятие иррационального в связке с категорией случайного. Однако следует особо отметить, что категория случайного нагружена для философа ценностно отрицательной коннотацией, случайное есть фундаментальное нарушение необходимого понятого в предельно онтологическом смысле как благой промысел абсолюта, воплощенный во множестве законов сущего и в следовании порядка вещей заданной гармонии. И здесь мы сталкиваемся с весьма важным моментом в рассуждении Ф. Шеллинга, который свидетельствует о том, что понятие иррационального – это не только категория онтологическая или гносеологическая, но, что, несомненно, важно, и аксиологическая. Таким образом, именно Ф. Шеллинг впервые достаточно концептуально, хотя и мимоходом, касается категории иррационального.

Помимо работы Ф. Шеллинга, действительно частое употребление термина «иррациональное» среди мыслителей рубежа XIX–начала XX в. мы обнаруживаем в работах Г. Риккерта, Г. Зиммеля и М. Вебера. В ра-

боте «Философия жизни» Г. Риккерт достаточно часто использует термин «иррациональное», хотя и в довольно разных контекстах, что не позволяет свести семантику данного понятия к единому смысловому центру. Во-первых, «иррациональное», по Г. Риккерт, – основное свойство «живой жизни, которая всегда иррациональна и, если угодно, сверхрассудочна» [2, с. 428]. Приблизительно в схожем контексте Г. Риккерт связывает иррациональное с непосредственностью имманентного бытия в его многообразии. Совершенно очевидно, что здесь он использует тот же логический ход, что и Г. Гегель, утверждавший на страницах «Феноменологии духа» о том, что единичное как таковое в его непосредственной данности сознанию совершенно не выразимо понятийно, каким бы образом мы ни старались бы это осуществить. Единичное, по Г. Гегелю, невыразимо, поскольку количество ступеней понятийного приближения к его высказыванию грозит уйти в бесконечность: «...потому что чувственное «это», которое подразумевается, недостижимо для языка, принадлежащего сознанию, [т.е.] в-себе-всеобщему. При действительном осуществлении попытки выразить в словах этот клочок бумаги он от этого истлел бы; те, кто начал бы описание его, не могли бы закончить это описание, а должны были бы предоставить это другим, которые, в конце концов, сами признали бы, что говорят о вещи, которой нет» [3, с. 60]. Таким образом, иррационально то, что сверхрассудочно, то, что принципиально не подводится под понятие, не «улавливается» им, – вся совокупность тотальности сущих единичностей, образующих непосредственную имманентную восприятию реальность. В достаточно близком смысловом ключе понимает иррациональное и Г. Зиммель. Насколько это возможно судить из контекстуального анализа употребления им категории иррационального, Г. Зиммель связывает ее также с категорией единичного, которое он понимает в более широком смысле, – не только как множественный мир единично существующих объектов, но и внутренний, уникальный мир отдельной личности, пронизанный множеством самых различных мыслей, чувств и переживаний. В работах Г. Риккерта и Г. Зиммеля встречается и еще одно, достаточно любопытное употребление термина «иррациональное», а именно, в аспекте рассмотрения «данного». В частности, рассуждая о рационализме и эмпиризме как философских предпочтениях того или иного мыслителя, Г. Зиммель говорит о том, что сам выбор каждой из точек зрения является иррациональным, – иными словами, я принимаю и являюсь тем, что дано мне в моем сознании как моя самоданность самому себе. Позже подобное М. Хайдеггер выразит в терминологии «настроенности», «брошенности» индивидуального человеческого существования на само себя. Намного раньше подобную экзистенциальную ситуацию «данности» осмысливал Б. Спиноза в учении о свободе воли, в конечном итоге отрицая таковую в отношении воли человеческой: «Пьяный убежден, что он по свободному определению души говорит то, что впоследствии трезвый желал бы взять назад. Точно так же помешанные, болтуны, дети и многие другие в том же роде убеждены, что они говорят по свободному

определению души, между тем как не в силах сдержатъ одолевающий их порыв говорливости» [4, с. 339]. Подобным образом, в немного ином контексте рассуждает и Г. Риккерт: «Это голубое и красное во всех отношениях невыводимо, или, как мы могли бы также сказать, абсолютно иррационально, так как мышление в этих определенных содержаниях находит вообще свои границы. Я размышляю только о том, что я признаю это голубое и это красное только как факты или обсуждаю как данное» [2, с. 120]. Таким образом, иррациональное есть все то, что выходит за границы нашего мышления, понятого в его каузальном смысле как возможность добраться до финальной причины.

В последнем фрагменте исследования хотелось бы обратиться и в некотором смысле вернуться к трактовке иррационального в его связи с аксиологическим контекстом. Ранее уже было отмечено, что Ф. Шеллинг связывает иррациональное с источником зла и дисгармонии, таким образом, соотнося его с определенным аксиологическим контекстом. Позднее контекстуальное упоминание иррационального в плане ценностного измерения его понимания проявляется в работах Г. Зиммеля и М. Вебера. Наряду с совершенно стилистически неясными в своих мотивах употребления термина «иррациональное» (в широком интуитивном смысле) в одном из фрагментов Г. Зиммель абсолютно четко определяет иррациональное как «негодное» с «ценностной точки зрения» [5, с. 523]. Следовательно, иррациональное является таковым в том случае, если не совпадает с определенной ценностью, идеалом, порождаемыми ими представлениями о должном и необходимом с антропоцентрической позиции. Иррационально то, что выходит за рамки определенной ценности, не совпадает с порождаемым ею ожиданием происходящего. Отсюда можно сделать вывод, что иррациональное сближается с понятием нецелесообразного, трагической случайности, абсурдного в самом широком смысле, если мы ведем речь о ценностях телеологического характера либо этического. Например, мы восклицаем: «Он умер в расцвете лет», – это нарушение ценности телеологического характера, подразумевающей, что должно покинуть мир сей на склоне лет, «пресытившись днями», подобно ветхозаветным праведникам; либо: «Такой добрый человек и такая трагедия с ним произошла», – нарушение ценности этического плана, поскольку по умолчанию, установленному еще И. Кантом в логическом плане, нравственное поведение отсылает к понятию счастливой жизни. Отсюда иррациональным в данном смысле следует объявлять всякое уродство, нарушение гармонии, стиля, вкуса и т.д. Как ни странно, но совершенно противоположной точки зрения придерживается М. Вебер, насколько это возможно судить по фрагментам его произведений, посвященных социальному действию. В труде «Основные социологические понятия» мыслитель достаточно часто употребляет термин «иррациональное». Большей частью это употребление синонимично понятию «эмоциональное», «аффективное» и т.д. Вместе с тем в том же произведении наличествует интереснейший фрагмент, процитируем его наиболее полно: «С целерациональной точки зрения ценностная раци-

ональность всегда иррациональна, и тем иррациональнее, чем больше она абсолютизирует ценность, на которую ориентируется поведение, ибо она тем в меньшей степени принимает во внимание последствия совершаемых действий, тем безусловнее для нее самодовлеющая ценность поведения как такового (чистота убеждения, красота, абсолютное добро, абсолютное выполнение своего долга)» [6, с. 630]. Целерациональное действие, по М. Веберу, следует принципу «предельной полезности», понимаемому в экономическо-утилитарном смысле. Совершенно очевидно, что доминирование тех или иных моделей и мотивов деятельности подвержено исторической трансформации, а соответствующим образом понятая в этом контексте категория иррационального будет постоянно наполняться совершенно иным содержанием, включать в себя элементы релятивизма. Подобные выводы можно было сделать уже на основании точки зрения Г. Зиммеля, когда он определял иррациональное как нечто несоответствующее определенной ценности.

Подводя краткий итог данному скромному исследованию, имеющему в большей степени характер предварительного развертывания искомой дефиниции иррационального, возможно сделать следующие выводы. Во-первых, само понятие иррационального впервые концептуально фиксируется (в философском смысле) в размышлениях Ф. Шеллинга. Там оно маркируется как источник дисгармонии, отпадения существ от Бога, т.е., иррациональное – причина нарушения порядка, стройности, закономерности сущего. Ф. Шеллинг также начинает ассоциировать иррациональное с ценностной категориальностью, относя его к понятию зла. Во-вторых, в трудах Г. Риккерта и Г. Зиммеля под иррациональным понимается непосредственная единичность имманентной реальности в ее многообразии и множественности, включая внутренний универсум личности. Также у Г. Зиммеля и М. Вебера происходит определенная аксиологическая риверсия категории иррационального, начатая Ф. Шеллингом. Базовый итог исследования заключается в следующем: понятие иррационального хотя и имеет широкое хождение в контексте философского дискурса, но тем не менее все еще не было подвергнуто серьезной и всесторонней тематизации, фрагментарно всплывая в контексте работ классиков в самых различных контекстах, давая возможность лишь предварительной, во многом интуитивной, методике его понимания. Вместе с тем, поскольку данная категория, судя по всему, является одной из фундаментальных в архитектонике философской культуры, то, следовательно, требует более детальной и глубокой разработки, что, возможно, и станет магистральной темой следующих за данным исследованием работ автора.

Литература

1. Шеллинг Ф. В. Г. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах / Ф. В. Г. Шеллинг // Соч. : в 2 т. – М. : Мысль, 1989. – Т. 2. – С. 86–159.
2. Риккерт Г. Философия жизни / Г. Риккерт // Философия жизни. – Киев : Ника-Центр, 1998. – С. 269–447.

3. Гегель Г. Феноменология духа / Г. Гегель. – М. : Наука, 2000. – 495 с.
4. Спиноза Б. Этика / Б. Спиноза // Соч.: в 2 т. – СПб. : Наука, 1999. – С. 251–478.
5. Зиммель Г. Как возможно общество / Г. Зиммель // Избранное. – Т. 2. – М. : Юрист, 1996. – С. 509–528.
6. Вебер М. Основные социологические понятия / М. Вебер // Избранные произведения. – М. : Прогресс, 1990. – С. 602–643.

Воронежский государственный университет

Обыденный Д. Н., кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания

E-mail: philosclub@yandex.ru

Тел.: 8 (920) 445-87-77

Voronezh State University

Obydenny D. N., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Ontology and Theory of Knowledge Department

E-mail: philosclub@yandex.ru

Tel.: 8-920-445-87-77